

К 250-летию Академии наук СССР

Н. Ю. ШВЕДОВА

РУССКАЯ НАУЧНАЯ ОПИСАТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА В РУССКОЙ АКАДЕМИИ НАУК *

1. Для русской грамматической традиции разграничение академической и неакадемической науки о строе русского языка можно считать в значительной степени условным. С одной стороны, несомненным и сильным было влияние ученых-академиков на развитие грамматической мысли вообще; лингвисты, создававшие свои труды вне стен Академии, в той или иной мере всегда работали в русле академической науки; яркий пример тому — Пешковский, внешне никак не связанный с академической деятельностью, но находившийся под сильным влиянием двух крупнейших наших академиков — Фортунатова и Шахматова. С другой стороны, Академия наук постоянно держала в поле своего зрения всех творчески работающих языковедов и избирала их в свой состав. Поэтому в историю академической науки органически входят и Потебня, и Буслаев. Можно утверждать, что начиная с Ломоносова и Востокова наша грамматическая мысль во всех своих важнейших направлениях развивалась в русле академической науки и под эгидой этой науки.

История русской академической грамматической науки богата славными именами. Перечислять их нет необходимости. Скажем только, что крупнейших русских грамматистов, представлявших самые разные школы и направления, роднят такие драгоценные качества, как широта научных интересов, отсутствие замкнутости, узости, непредвзятость и самобытность научных решений, отношение к языку как к огромной самостоятельной ценности.

Академия наук видела в своих стенах лингвистов разного склада, разных направлений. И огромная ее заслуга — в том, что ее авторитетом были освящены не только труды блестящих ученых-теоретиков, нередко опережавших европейскую мысль своего времени, но и труды ученых, пришедших в большую науку из практики. Таков, например, был замечательный языковед В. И. Чернышев, посвятивший себя решению нормализаторских задач на основе скрупулезного изучения фактов в духе ломоносовского «рассудительного употребления».

Русская грамматическая наука имеет свои собственные характерные черты, определившие и определяющие ее большую роль в развитии грамматической науки в целом.

2. Не будет преувеличением сказать, что история грамматической науки в России есть история идей. Их перечень занял бы многие и многие страницы. Напомним здесь лишь некоторые яркие и новые идеи, надолго определившие у нас пути развития грамматической мысли и время от времени дающие все новые и новые ростки. Такова, например, присутствующая уже у Ломоносова идея о том, что грамматические единицы языка существуют в системе, что они сложно связаны друг с другом целой сетью

* Доклад, прочитанный на совместном заседании ученых советов Института языкознания и Института русского языка АН СССР, посвященном 250-летию Академии наук СССР, 25 IV 1974 г.

принадлежащих языку функционально-смысловых соотношений. Под разным углом зрения и под разными названиями эти принадлежащие языку соотношения вот уже более двух столетий так или иначе анализируются и описываются грамматистами.

Такова, далее, основополагающая идея о неоднородности и неоднозначности грамматической формы. Истоки ставшего аксиомой современной лингвистики положения об асимметрическом дуализме языкового знака нужно искать в трудах русских грамматистов, питавших теоретическую мысль Карцевского, который впервые сформулировал этот блестящий тезис. Достаточно вспомнить учение Потемби о категориях глагола, учение Фортунатова о залогах или шахматовское учение о грамматических категориях, чтобы убедиться, что именно здесь лежат истоки учения о неоднозначности формы. Тезис Фортунатова о заложенной в слове и в словосочетании способности выражать «психологическое суждение» есть не что иное, как тезис о потенциальной многозначности языкового знака, — пусть эта его мысль развивалась и с психологических позиций, и в облачении соответствующих психологических терминов.

Еще одна, более частная иллюстрация — оригинальная теория синтагм, восходящая к мыслям Востокова о «произодическом периоде», которые были творчески развиты Щербой и Виноградовым. Понимание синтагмы как интонационно-смыслового единства, вычленяемого из предложения, имеет все преимущества перед достаточно внешним определением синтагмы как бинарной организации.

Говоря о русской грамматике как грамматике идей, нельзя обойти молчанием яркие и плодотворные идеи Винокура в области словообразования, идеи Виноградова в области словообразования и особенно синтаксиса, послужившие стимулом для появившихся после трудов этих ученых многочисленных размышлений в данных сферах грамматического знания.

3. В процессе более чем двухвекового развития наша грамматическая наука выработала, определила для себя и утвердила во многих фундаментальных трудах такие концептуальные положения и такие проверенные целыми поколениями лингвистов методологические принципы, которые характеризуют ее как науку, опирающуюся на свою собственную лингвистическую теорию.

Вот некоторые из этих важнейших положений.

1) У разных ученых по-разному, но во всех наших отечественных классических грамматических трудах присутствует понимание языкового строя как неоднородной системы, внутри которой постоянно и разнообразно осуществляются межуровневые, внутрисистемные связи и взаимодействия. Эти связи действуют как в синхронии, так и в диахронии, причем процессы эти сложно перекрещиваются. Таким образом, язык, его грамматический строй понимается не как линейная, плоскостная организация, а как «система систем», и этим понимаем не только естественно обуславливаются, но и неизбежно порождаются такие методы изучения языковых категорий, которые способны отразить эту сложную организацию, специфику категорий каждого отдельного уровня и специфику внутрисистемных отношений, одновременную «врощенность» тех или иных категорий в разные участки грамматической системы языка. Достаточно здесь напомнить хотя бы курсы Фортунатова, в которых он показывал, что основные и формальные принадлежности в слове выделяются на базе живых соотношений, существующих в данном языке в данную эпоху, что форма слова представляет собою результат этих соотношений и узнается по этим соотношениям.

2) Грамматическая категория всеми русскими языковедами понималась и понимается как неразрывное единство внешнего строения, внутрен-

него содержания и функционального назначения. Со времен Потебни этот тезис остается неизменным. С таким пониманием грамматического объекта в нашей традиции связано его многоаспектное изучение, вылившееся в разные формы — от строгих и систематических характеристик у ученых восточного толка до увлекательных «лингвистических раздумий» Щербы. К этому следует прибавить еще постоянное внимание к стилистической природе грамматического явления, к его месту в функционально-стилевой системе.

3) В нашей лингвистической традиции прочно установилось понимание грамматики как науки, оперирующей своими собственными, только ей присущими категориями. В борьбе с экспансией механицизма и поверхностности грамматических построений Греча, в спорах со сторонниками сугубо традиционных, по западноевропейским образцам построенных приемов анализа, подменявших собственно грамматические изучения всяческими подстановками и «восстановлениями» иллюзорных «опущений», русская грамматическая наука отстояла и утвердила тезис о самостоятельности и специфичности собственно грамматических категорий. В статье «Потебня — лингвист» («Уч. зап. [МГУ]», 107, 1946, стр. 47) об этом хорошо писал Л. А. Булаховский: «В важных методологических точках зрения Потебни решительно освобождается от продиктованных традиционными школьными приемами ошибок, которым еще приносит свою дань в „Опыте исторической грамматики русского языка“ Буслая. Одна из важнейших — истолкование ряда конструкций не в сопоставлении с реальными фактами языка, а с отвлеченно взятыми оборотами, воображаемыми или привлеченными из других языков, но выдаваемыми за соответствующие природе „мысли“ самой по себе. Наиболее тяжелый методологический грех Буслая в этом отношении — неосторожное, упрости-тельное оперирование различными „подразумеваемыми“ и тем самым навязывание языку чуждых ему мысли. Ряд таких ошибок Буслая вскрыт был уже самим Потебнею».

Потебня противопоставил этому направлению углубленное толкование грамматических категорий, опирающееся на языковые факты, без обращения к категориям логики и психологии. Продолжая в этом смысле линию Востокова, устранившего логические категории из синтаксиса, он утверждал, что язык есть тоже форма мысли, но такая, которая ни в чем, кроме языка, не встречается.

К нашему времени положение о самостоятельности грамматических категорий можно считать окончательно утвердившимся. Однако «посягательства» на эту самостоятельность еще не изжиты окончательно. Интересно вспомнить в связи с этим, как лет десять тому назад, в период увлечения математической лингвистикой, В. В. Виноградов в одной из своих газетных статей писал о том, что грамматике следует вести себя благоразумно и не бросаться легкомысленно из одних объятий в другие: из объятий логики и психологии в объятия математики.

4) В традицию русских грамматических исследований прочно вошло положение о связи грамматических и «вещественных» значений, об ограничениях, накладываемых на грамматику лексической семантикой слов, о тесных связях этих двух сторон языкового знака. Уже целое столетие сохраняет свою актуальность потебнианский тезис о взаимных связях грамматики, словаря и лексической семантики. Сейчас нельзя представить себе грамматическое исследование, в котором в той или иной форме не учитывалась бы эта сторона языковой действительности.

Таким образом, русская грамматическая наука опирается на целый ряд важных общелингвистических теоретических положений, выработанных в процессе развития этой науки. У нее есть свои истоки, свои богатые

традиция, своя национальная специфика. Удивительно поэтому бывает читать книги, авторы которых с непонятной легкостью перечеркивают эти традиции и всю эту науку и в поисках теоретических эталонов отсылают нас к заведомо односторонней и умозрительной американской теории, после шумного взлета быстро доказавшей свою неспособность стать основой для всестороннего изучения конкретного языка во всей сложности его внутренней организации.

Конечно, никто не проповедует лингвистической узости и нигилизма: всегда есть чему поучиться у других, в работах ученых разных школ и направлений всегда есть над чем подумать. Но это вовсе не значит, что свои источники исчерпаны и что нужно перечеркивать все то, что было сделано классиками нашей грамматической мысли и что успешно развивается сейчас в работах многих наших лингвистов.

Следовало бы помнить также о том большом влиянии, которое оказала русская грамматическая мысль на развитие лингвистики в других странах — прежде всего, конечно, в странах славянских. Известна, например, огромная роль идей Фортунатова, к которому приезжали учиться такие лингвисты, как О. Брок, Х. Педерсен, П. Буайе, Й. Пóливка, А. Белич и др.; особо следует напомнить о сильном его влиянии на труды А. Мазона. Известно также прямое и непосредственное воздействие шахматовского учения на синтаксическую концепцию Фр. Травничка и на всех ученых его школы. Разнообразные и тесные связи и взаимное понимание существуют сейчас между разными русскими и чехословацкими, русскими и польскими грамматическими школами. В свете всего этого странно и непонятно, как могут некоторые наши лингвисты утверждать, что в природе вообще не существует такого явления, как русская лингвистическая теория, русские грамматические школы.

4. История развития русской грамматической мысли характеризуется повторяющимися сменами преимущественного внимания и интереса то к формальному, то к функциональному аспекту в изучении грамматических форм и категорий. Время от времени происходит как бы пересмотр научного метода, самого подхода к выделению и описанию грамматического объекта, собственно предмета грамматики. Исключительное внимание к формам и к системам форм, к самой материи грамматики и к формальной организации тех или иных единиц в какие-то моменты сменяется усиленным интересом к тем внутренним смыслам и смысловым оттенкам, которые в этих единицах заложены и, в аспекте синонимии, существуют как бы над ними. Соответственно избираются то строго формальные, то смысловые обоснования для группировки и классификации грамматического материала. Эти периодические смены сопровождаются горячими спорами о том, «что лучше», где лежит истина. Сторонники функционального аспекта аргументируют правильность и целесообразность «смыслового» подхода тем неоспоримым фактом, что язык есть практическое сознание людей; грамматисты, начинающие с формальных изучений и кладущие в основу описания форму, исходят из того, также бесспорного тезиса, что грамматика имеет свои собственные материальные единицы и что начинать изучение этих единиц нужно исходя из их собственного устройства. Время от времени активизируется то один, то другой подход.

Идеальным представляется такое состояние, при котором изучаются все стороны грамматической единицы и не упускаются никакие необходимые — по обязательности ее собственные — характеристики. При этом можно считать доказанным, что строгим оказывается только изучение, идущее от формы, от самого строения грамматической единицы — к ее внутренней смысловой стороне. Верно, что при таком описании смысловые характеристики могут оказаться крайне обобщенными, что могут остаться

в тени многие важные явления, связанные с лексическим наполнением формы и т. д. Однако возможность устранения этого недостатка, т. е. возможность углубления в смысловой анализ (корректируемый строгим методом), при формальном подходе всегда остается легко реализуемой реальностью. Напротив, при описании «от смыслов» нередко оказывается потерянным самый объект грамматического изучения, упускается из виду необходимость в грамматике строгой и целостной, систематической организации материала и, что особенно опасно, открывается простор для сознательного неразграничения грамматических и неграмматических значений. Ярким примером здесь может служить опыт Шербы с выделением из системы русских частей речи так называемой «категории состояния». Этот опыт был интересным потому, что он был осуществлен таким лингвистом, как Шерба, — с его знаниями, с его лингвистическим кругозором, чутьем и уважением к языку. Но этот опыт в целом нельзя считать удавшимся, потому что формальные границы «категории состояния» Шербой устанавливались как принципиально размытые; языковеды, увлеченные этой идеей, в дальнейшем соревновались в пополнении вновь открытой «категории» все новыми и новыми единицами, «переводимыми» в этот разряд из других классов слов на основе только функциональных признаков, понимаемых, к тому же, неоправданно широко. И не случаен тот факт, что позднее из этой категории в грамматических описаниях утвердились только так называемые «предикативы», т. е. слова, объединенные своими собственными формальными характеристиками.

Иными словами, в рамках категорий, выделенных по формальным основаниям, всегда есть возможность идти вглубь, в грамматическую семантику, локализуя значения в границах их формального выражения. В рамках категорий смысловых, выделяемых часто субъективно и, по-видимому, с принципиальным исключением установки на полноту (мы не знаем ни одной работы, автор которой ответственно заявил бы своим читателям, что он дал хотя бы относительно полный перечень семантических категорий в грамматике, в частности, например, в синтаксисе), возможность установления строгих формальных границ практически исключается, так как отсутствуют сколько-нибудь определенные критерии выделения самих этих категорий.

Русская грамматическая мысль так или иначе всегда была направлена на разумное совмещение двух рассмотренных выше аспектов, и задачей ныне работающих грамматистов нужно считать сохранение и утверждение этого принципа.

5. За долгие годы своего существования наша грамматическая традиция выработала свой тип научной академической грамматики. Первой была «Российская грамматика» Ломоносова. Уже в ней определились такие характерные черты будущих лучших описаний грамматического строя русского языка, которые обеспечили их неустареваемость. Это теоретичность, системность и полнота, гибкое, не пуристическое отношение к норме, внимание к лексике, к взаимодействию слова и формы, присутствие стилистического аспекта. Остановимся кратко на некоторых из этих характерных черт наших грамматических описаний.

Лишь очень немногие из русских описательных грамматик не отмечены собственной теоретической концепцией их автора (ср., например, личную исследовательскую индивидуальность грамматику 1802 г. или «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» 1852 г.). Обычно же со страниц такой грамматики с нами говорит исследователь, излагающий результаты своих собственных научных разысканий. В академических грамматиках, в написанных в разное время грамматических курсах читатель не просто черпает необходимые для него сведения: со страниц

книги ему звучит голос Ломоносова, Востокова, Буслаева, Грота, Шахматова, Виноградова. Это обеспечивает нашим грамматикам их глубоко научный и в то же время индивидуальный характер: они отражают состояние исследовательской мысли своего времени.

Для классиков нашей грамматической науки характерно понимание национального языка как индивидуальной и неповторимой системы; им чуждо стремление к универсализации грамматических категорий. Замечательны в этом смысле слова Фортунатова о том, что формальные классы, существующие в одном языке, не должно предполагать непременно существующими в другом языке. Такой подход обеспечил лучшим предшественникам нашей лингвистической мысли исключительную тщательность и глубину языкового анализа, внимание к особым и самобытным сторонам грамматического строя своего языка. Здесь были исключения. Известно, например, какой след наложила на грамматику Буслаева тенденция к унификации с грамматиками других языков, к следованию общеевропейским традициям и логическим схемам. Но показательно, что материалы буслаевской грамматики оказались сильнее этих тенденций и обеспечили ей долгую научную жизнь. С другой стороны, не совпадающая с национальными традициями теоретическая направленность этой грамматики косвенно содействовала рожденному в спорах упрочению и развитию этих традиций.

Авторов наших грамматических описаний всегда отличало стремление к максимальной полноте охвата материалов: изложение тех или иных выводов, правил опирается у них на обильные, нередко исчерпывающие языковые свидетельства, на отличающуюся тонким вкусом цитацию классиков литературы. Многие наши грамматиканы поэтому выполняли в свое время не только научно-систематизирующие, но и просветительские задачи. Полнота материалов совмещается с систематичностью их организации. Достаточно вспомнить, например, шахматовское описание категорий имени и глагола в «Очерке современного русского литературного языка» или его же классификацию предложений в «Синтаксисе русского языка».

Исследовательский подход привел крупнейших наших грамматистов к такому отношению к нормализаторской деятельности, при котором норма понимается как явление динамическое, показывается как категория варьируемая, ни в коей мере не давящая или принудительная. Изучая наши лучшие грамматиканы, стоит обратить специальное внимание на характер запретов: они даются с осторожностью, всегда объясняются, широко допускающиеся варианты тщательно распределяются по стилистическим и функциональным сферам.

Грамматическое описание в нашей отечественной традиции всегда было тесно связано с лексикологическими и лексико-семантическими характеристиками. Начиная с Ломоносова, который вместе с Кондратовичем трудился над «сочинением российского лексикона», почти все наши крупнейшие грамматисты были и лексикологами, и лексикографами. Это наложило свой отпечаток на всю русскую грамматическую науку, убергло ее от схематизма, определило включение в грамматику существенных для нее лексико-семантических аспектов (см., например, у Потехина почти исчерпывающие перечни слов, способных в определенных морфологических формах выполнять ту или иную синтаксическую функцию).

Все эти и многие другие связанные с ними характерные черты русских академических грамматических описаний определили их важную роль в развитии грамматической науки в целом.

6. В советскую эпоху в Академии наук были созданы две описательные грамматиканы русского языка — «Грамматика» 1952—54 гг. и «Грамма-

тика» 1970 г. Сейчас составляется большая «Русская грамматика», авторская работа над которой должна быть закончена в 1975 г.

Определяющаяся современной стадией развития науки особенность этих грамматик — в том, что они пишутся авторскими коллективами: сейчас ни один ученый не может сам, один написать полную академическую грамматику. А с этим связано многое. В коллективной работе соединяются несколько исследователей. Встает острая и трудная задача координации решений — часто совершенно конкретных. Полностью эта задача не была решена ни в «Грамматике» 1952—54 гг., ни в «Грамматике» 1970 г. Между тем читатель вправе ждать и требовать от научной описательной грамматики абсолютной непротиворечивости, целостности и последовательности. Языковеды предъявляют к этой книге свои требования: ее главы должны объединять единая лингвистическая концепция.

Здесь нет ни необходимости, ни возможности перечислять удаchi и неудачи двух названных выше грамматик. Эти книги широко обсуждались. Достаточно напомнить, что «Грамматика» 1970 г. получила более 30 рецензий, был проведен специальный симпозиум, посвященный ее обсуждению, прошла дискуссия в печати.

Итак, на протяжении двух с половиной — трех десятилетий из стен Института русского языка Академии наук выйдет три научные описательные грамматики современного русского литературного языка. Этот факт может быть расценен как свидетельство неустойчивости решений, нежелательной легкости в их принятии и пересмотре. Я думаю, что на самом деле это не так. «Грамматика» 1952—54 гг., за исключением своего теоретического введения, подводила итоги. Ее главы, так, как они написаны, могли бы быть написаны и в 40-х, и даже в 30-х годах. Но введение, предпосланное этим главам В. В. Виноградовым, нацеливало на коренной пересмотр тех сложившихся представлений и характеристик, которые изложены в конкретных разделах этой книги; оно указывало и пути, по которым следует идти. «Грамматика» 1970 г. в той степени, в которой это было возможно, попыталась в некоторых направлениях пойти по этим путям. Но это не была грамматика, адресованная к широкому читателю (хотя информативная часть ее — богаче, чем в «Грамматике» 1952—54 гг.). Не все в ней одинаково удалось, главы ее неравноценны. В ходе обсуждения этой книги было высказано много пожеланий в духе расширения, дополнительной аргументации, а в ряде случаев и пересмотра тех или других положений. Многие могут сделать совсем иначе (см. главы о фонологии, об акцентологии, композицию морфологического раздела, многое в синтаксисе).

Готовящаяся «Грамматика» не будет расширенным повторением «Грамматики» 1970 г.: это будет совсем другая книга, адресованная к другому читателю, гораздо более полная, по возможности просто написанная, богато иллюстрированная. Свои цели и задачи авторы изложили в опубликованном в 1972 г. проспекте, который обсуждался и получил одобрение.

Коллектив, работающий сейчас над большой «Русской грамматикой», понимает всю ответственность, которую он на себя взял и которую накладывают на него наши академические традиции. Эти традиции нужно хранить, развивать и приумножать, не увлекаясь ни кратковременной и неверной модой, ни броскими, но не всегда достаточно глубоко продуманными идеями.

В то же время нужно помнить о том, что наука не стоит на месте, что в последние десятилетия мы обогатились новыми материалами и новой их трактовкой, что самые методы лингвистической работы постоянно совершенствуются. Нужно помнить и о том, что само понятие «установив-

шегося в науке» есть понятие относительное: ведь то, что сейчас для нас в грамматической теории кажется сугубо традиционным, в свое время было и новым, и смелым, и необычным, и далеко не всеми принималось. Так же относительно и достаточно неопределенно понятие «широкий читатель»: люди разного образования, разного возраста ищут в грамматике ответы на разные вопросы, по-разному относятся к тем или другим ее решениям. Есть читатели, которые полагают, что академическая грамматика во всем должна совпадать с грамматикой школьной; другие хотели бы, чтобы по содержанию она не отступала от утвержденных программ вузовских курсов. Одни хотели бы видеть в ней только свод правил, другие — ответы на актуальные вопросы теории.

Несомненно одно: в своей работе, в выборе решений мы должны помнить о тех лучших характерных чертах научных грамматических описаний, которые выработали и определили для них классики русской грамматической мысли.